

Ключевые имена времени в публицистическом стиле

ЛИЛЯНА ЦОНЕВА
(Велико-Тырново)

В современном русском языке, как известно, протекают разнообразные интенсивные процессы на всех уровнях и прежде всего на уровне лексики (см. Земская 1996, Валгина 2001, Костомаров 1994 и др.). К ним можно отнести и активизацию определенного круга слов, особенно актуальных для общества в целом. Эти слова, называемые по-разному, вполне оправданно привлекают внимание исследователей. Л.П. Крысин, например, говорит о *коммуникативно важных словах* (среди которых много иноязычных слов), попадающих в зону социального внимания, составляющих “обойму слов”, которая является приметой времени (Крысин 1996: 154). Наиболее частотные, социально значимые слова нашего времени Е.А. Земская определяет как *ключевые слова* (Земская 1996:90). О ключевых словах – единицах, которые относятся к лексическому плану и которые определяются как *лексические доминанты*, говорит и Б. Тошович, анализируя доминанты русского языка XX столетия – господствующие элементы на разных уровнях языка (Тошович 2002: 24).

Ключевые слова текущего момента, по мнению Т.В. Шмелевой, это слова, которые называют значимые, актуальные для всех понятия и, находясь в центре общественного сознания, активно используются в научных и научно-популярных текстах, в устной разговорной речи, в публицистике (Шмелева 1992: 33). Ключевые слова она разделяет на пять основных групп – *время, общество, субъекты, право, рынок*. Важное место в кругу КС занимает группа СУБЪЕКТЫ, которая, вместе с группами ВРЕМЯ и ОБЩЕСТВО, относится к так наз. “вечным”, “... поскольку общество всегда с интересом

обсуждает время, в котором оно живет, главных действующих лиц на политической сцене, факты социальной жизни – состояние общества, отношение человека и власти, сферы деятельности субъектов” (Шмелева 1992: 39).

Ключевые слова (КС), относящиеся к группе СУБЪЕКТЫ – это прежде всего собственные имена (СИ) – фамилии и имена людей, которые, на наш взгляд, можно определить как *ключевые имена* (КИ). Е.А. Земская тоже выделяет среди КС как нарицательные слова, так и высокочастотные имена собственные (Земская 1996: 92). Имена общественно значимых или актуальных лиц анализируются и у К. Стоянова (Стоянов 1999: 204). Все КС имеют важные характеристики, специфически проявляющиеся в кругу СИ и в кругу апеллятивов, о чем будет сказано дальше в работе.

Отметим также, что КИ могут быть и другие онимы, например, топонимы, которые, обладая всеми особенностями КС вообще, имеют специфические особенности, заслуживающие специального внимания. К КИ можно отнести топонимы *Чернобыль*, *Чечня*, *Беслан*, ставшие актуальными для общества в связи с трагическими событиями. Именно ассоциации с такими событиями становятся частью экстралингвистического потенциала этих СИ, который делает невозможным их включение в игровые формы, тем более с ироническим или комическим оттенком.

Наоборот, иронический оттенок чаще всего сопровождает использование топонима *Куршевель*, отличающегося в последнее время повышенной частотностью; он включается в разные формы языковой игры, например, рифмовки-созвучия: *Как гудели в Куршавеле* (Моск. комсомолец 2007/2) или становится основой окказиональных производных: *Православное рождество – это “куршавелевый” праздник №1.*; *“Это зимняя столица России! Это наша деревня Куршавелево!” – кричат любители горнолыжного курорта* (Моск. комсомолец 2007/6).

Топонимы (*Ленинград*, *Сталинград*), как и “политические имена” (*Ленин*, *Сталин*, *Брежнев*, *Ельцин*, *Горбачев*) Б. Тошович относит к “кандидатам в доминанты” XX века в рамках лексических пластов (Тошович 2002: 28).

Предметом внимания в данной работе являются только антропонимы – фамилии или личные имена лиц, которые можно определить как *ключевые имена времени*. Цель работы – рассмотреть некоторые особенности таких имен в современном русском языке и в первую очередь их участие в различных формах языковой игры. Материалом для исследования являются ил-

люстративные примеры из русских публицистических текстов (прежде всего в центральных газетах и журналах) последних десяти лет.

Интерес к такой теме обусловлен в первую очередь тем, что КИ обладают всеми особенностями КС, но в то же время отличаются от них особенностями СИ как категории слов с особым семантическим статусом. Кроме того, интерес представляет и публицистический стиль (ПС) как материал для исследования “поведения” КИ, потому что именно в нем проявляются, причем довольно своеобразно, важные процессы, определяющие облик современного языка.

КИ – это имена “героев нашего времени”, имена людей, широко известных в обществе в целом. Такими, бесспорно, являются имена русских и зарубежных политиков – *В. Путина, В. Жириновского, С. Иванова, Д. Медведева, Б. Березовского, Р. Абрамовича, А. Лукашенко, М. Саакашвили, В. Ющенко, Д. Буша, А. Меркель, С. Хусейна* и т. д. Активность имен политиков обусловлена тем, что они “... относятся к числу важнейших ориентационных знаков политического дискурса, поскольку являются узловыми концептами в понятийной сетке, отражающей данный фрагмент мира, и, будучи знаками с необычайной информативной емкостью, задают целую когнитивную парадигму, включающую, в частности, и набор типичных ролей и сюжетов” (Романов, Романова, Воеводкин 2000: 22).

К КИ нередко относят и имена экономистов, которые принимают активное участие в управлении государством, а также менеджеров “среднего уровня”, иногда даже мелких бизнесменов, что связано с их особой важностью для общества в определенное время (назовем, например, известного в России в недалеком прошлом *С. Мавроди*, связанного с так наз. финансовыми пирамидами). Приметой времени является тот факт, что КИ могут стать имена террористов и других представителей преступного мира. Полушутя-полусерьезно можно сказать, что иногда представители преступного мира становятся бизнесменами и даже политиками и наоборот. Приметой времени можно считать и тот факт, что среди КИ много имен представителей шоу-бизнеса, артистов, спортсменов, но значительно меньше имен известных писателей или выдающихся ученых. Такое многообразие имен общественно актуальных или значимых лиц, как отмечает К. Стоянов, является свидетельством широты охвата социальной жизни и разнообразия тематических кругов – знаков демократизации современной публицистики (Стоянов 1999: 204).

Круг КС непрерывно меняется, поскольку некоторые явления и процессы действительности становятся менее актуальными для общества. Приведем в связи с этим пример из текста, посвященного смерти Б. Ельцина, в котором даются слова, ставшие ключевыми для определенного отрезка времени – “эпохи Ельцина”: ... *имя Ельцина прочно ассоциируется с малоприятными словами: ваучер, залоговый аукцион, олигарх, дефолт, Чечня, наконец* (Труд 2007/74).

Еще более активно меняется круг КИ и прежде всего круг имен политических субъектов. Менее активны сегодня имена русских и зарубежных политиков, которые уже сошли с политической сцены, некоторые из них – очень быстро, правда, по разным причинам (упомянем здесь, что за время правления Б. Ельцина в России сменились шесть премьеров!). Сюда можно отнести, например, имена *М. Горбачева, А. Сахарова, Е. Примакова, А. Лебеда, Б. Ельцина, М. Тэтчер, Р. Рейгана, Б. Клинтона, Г. Коля* и т.д., исключительно актуальных несколько лет назад, а также в перестроечные и первые постперестроечные годы. Естественно, некоторые политики и их имена остаются актуальными и когда они находятся не у власти, а в оппозиции, или проявляют себя в других сферах общественной жизни. Назовем здесь *Е. Гайдара*, который в последнее время находится в центре общественного внимания в связи с так наз. отравлениями русских в Великобритании. Кроме того, во многих случаях участие некоторых лиц в управлении продолжают обсуждать (чаще – критиковать) и после того, как они вышли из большой политики, что позволяет им оставаться в зоне общественного внимания.

Одна из основных характеристик КС – их частотность. Именно повышенная частотность использования названных выше и многих других СИ является бесспорным доказательством их принадлежности к КИ. Если составить “импровизированный список” КС текущего момента, о чем пишет Т. В. Шмелева (Шмелева 1992:33), то в него скорее всего попадут имена *В. Путина, Б. Ельцина, Ю. Лужкова, М. Ростроповича, Д. Буша, А. Меркель* и т.д., исключительно частотные на страницах газет и вообще в СМИ; так, в одном только номере газеты можно встретить (в рамках текста) следующие СИ, которые бесспорно можно считать КИ: *Путин* – 21 раз, *Жириновский* – 2 раза, *Буш* – 3 раза, *У. бен Ладен* – 8 раз, *Зюганов, Пугачева* и т.д. (Арг. и факты 2002/14).

Публицистический текст (ПТ) – сфера особо частотного использования КИ прежде всего в номинативной функции, что вполне объяснимо для

публицистики, основная задача которой – информировать; поэтому КИ занимают важное место в различных публицистических жанрах, прежде всего информационных и аналитических. Что касается юмористических жанров, то в них можно говорить прежде всего о высокой частотности КИ в различных формах языковой игры.

Важное значение имеет здесь и вопрос о назывании вторым именем – использовании других средств номинации определенного лица. Сюда относятся, например, фамильярные уменьшительные формы СИ, обозначение инициалами и т.д., использование которых в ПТ требует отдельного рассмотрения.

Обратим внимание на одно из таких средств – прозвища, которые являются особым барометром популярности их носителя. Прозвища, которые, по мнению К. Стоянова, ПТ занимает у просторечия, намного экспрессивнее, чем стандартные имена или названия (Стоянов 1999: 197). Особенно активны в ПТ прозвища политиков – они считаются формой “народного мщения”, поскольку даются им чаще всего за действия или слова, негативно воспринимаемые обществом. Имея в виду обилие в современной публицистике обидных прозвищ ведущих русских политиков, Н.И. Клушина отмечает: “Мы как бы вновь вернулись к истокам антропонимики, когда имя собственное заключало в себе определенную характеристику человека.” (Клушина 2002:55). (Как известно, прозвища – древнейший вид антропонимов).

Прозвища политиков и вообще известных людей в ПС (в отличие от разговорного стиля, где очень часто прозвищем “награждают” за особенности внешности) обычно непосредственно обусловлены поведением или особенностями речи референта, а также действиями и ситуациями, с которыми он связан. Именно поэтому прозвища легко декодируются адресатом, естественно, при наличии у него фоновых знаний о называемом субъекте, об его положении в обществе, о политической ситуации в стране и т. д. Например, политику М. Касьянову, которому принадлежит идея о превращении России в империю, дается новое прозвище взамен широко известных, тоже связанных с характерными особенностями его личности: *Ведь “Миша-император” звучит гораздо круче, чем “Миша-2 процента” или “Миша-НДС”* (Моск. комсомолец 2006/144).

Прозвища могут иметь и каламбурный характер, если они связаны по форме и по смыслу с именем референта, а не с его качествами и действиями. О такой особенности прозвища главы Всемирного банка П. Вулфовица

говорится в следующем примере: *Между тем в жизни вряд ли найдется другой такой человек, чей публичный имидж так отличался бы от внутреннего содержания. Данное Вулфовицу Бушем прозвище Волчонок (Вулфи) совершенно ему не подходит. Ни кровожадности, ни злостности хищника в нем нет ни капли* (Итоги 2007/18).

ПТ активно использует и перифразы – описательные конструкции, заменяющие обозначенные существительным предметы, явления и т.д. Перифразы, заменяющие СИ, не просто называют лицо, а дают ему оценочную характеристику, подчеркивая важные его качества. Перифразы, наряду с прозвищами – часть активного в современной публицистике процесса называния вторым именем, который можно определить как постоянную тенденцию в ПТ, воплощающую стремление к экспрессивности, к “зрелищности” выражения содержания.

КИ – объект самого активного перифразирования. Нередко одно и то же лицо может обозначаться несколькими перифразами, в которых выделяются, подчеркиваются разные его черты. Ср. в следующем примере: *При всем обилии политических фигур в России есть одна, которая упоминается чаще других и всегда с яркими ярлыками – “гений интриг”, “злой гений”, “второй Распутин”, “серый кардинал”... Это Борис Абрамович Березовский. Ни один из политиков в течение последних лет не оказывался столь часто в центре самых громких событий и скандалов* (Арг. и факты 1999/6).

Важная особенность перифразы – выделение, подчеркивание негативно оцениваемых особенностей биографии, поведения, режиссуры – внешности определенного субъекта. Например, участие в скандалах разного рода – основание для обозначения В. Жириновского следующей перифразой: *Так выглядел в частной жизни штатный грубиян российской политики* (Общая газета 1998/11).

Появление иронически звучащих перифраз, называющих Д. Буша, также обусловлено не только актуальностью и значением называемого лица, но и его ролью в негативно оцениваемых событиях разного рода, а также качествами его характера: *Мы покажем главному глобалисту петербургские белые ночи*. (Труд 2002/86); *“Подарком” к юбилею стал крайне низкий кредит доверия граждан, а также спор о том, кто придет на смену “горячему техасцу” в 2008 г.* (Арг. и факты 2006/27).

Еще ярче перифразы, в которых, кроме негативного оттенка, обусловленного отношением к называемому лицу, есть и каламбурное столкновение разных значений слов: *К Ю. Тимошенко приклеилось множество*

прозвищ: “газовая принцесса”, “единственный мужик в правительстве”, “железная леди украинской политики”. Теперь депутаты зловеще припомнили ей и “девушку с косой”, намекая, что именно она своими интригами угробила Верховную раду (Арг. и факты 15/2007). В перифразе *девушка с косой* есть не только (или даже не столько) намек на внешность Ю. Тимошенко; в ней есть ясная связь с известной перифразой *старуха с косой* (т.е. смерть), что подчеркивается и самим контекстом.

Некоторые перифразы можно определить как довольно “смелые”: *Показательно и самозабвенно огрызалась только Кондолиза Райс, “внешнеполитическая стерва”* (в хорошем смысле слова) *американской администрации* (Веч. Москва 2002/88).

Важная черта КС и КИ в частности – их *использование в заглавии*, важнейшем компоненте композиции публицистического текста. Так, в одном только номере газеты можно найти в заглавиях следующие КИ: *Путин, Зюганов, Б. Гейтс, Киркоров, Пугачева* (Моск. комсомолец 2007/56).

Именно в заглавии очень часто используются и прозвища и перифразы, заменяющие КИ, а также различные формы языковой игры с КИ. Примеры такого использования КИ даются далее в работе.

Специального внимания заслуживает участие КИ в *образовании производных слов*. Активность слов в качестве производящей основы – одно из доказательств их принадлежности к КС (Шмелева 1992: 34).

КС, в том числе КИ как базовые (производящие) основы не раз уже были предметом изучения (см. Земская 1996, Костомаров 1994, Валгина 2001 и др.). СИ, как подчеркивает Е.А. Земская, активно вовлекаются в словообразование в качестве базовых основ, порождая целые серии производных разной структуры и семантики (Земская 1996: 99). Ср. *ельцинист, ельцинизм; лужковец, лужковка* и т. д.

Параллельно с процессом узуального словообразования, как хорошо известно, протекает и не менее активный процесс образования окказиональных слов. Окказиональное словообразование – характерная черта современного языка и современной публицистики в частности, о которой Е.А. Земская пишет: “Типичнейшая черта современного языка – расцвет неузуального образования, распространяющийся не только в языке художественной литературы и разговорной речи (что было свойственно прошлым эпохам), но и в языке газет, любых средств массовой информации, устной публичной речи” (Земская 1996: 138).

ОС от КИ создаются по разным моделям, прежде всего от фамилий, реже – от личных имен политиков, актуальных в определенный период. Так, в первые постперестроечные годы основой окказиональных производных становятся чаще всего имена лиц, актуальных в то время: *Под знаменем марксизма-зюганизма* (Арг. и факты 1996/17); *Чего добились наши власти, безоглядно встав на сторону зюганоподобного Милошевича?* (Лит. газета 1999/13).

Сегодня, естественно, продуктивны другие основы – в первую очередь, актуальные имена русских и зарубежных политиков: *Условия успеха путиномики* (Арг. и факты 2000/4); *О такой мелочи, как обязательное переименование города на Неве в Санкт-Путинбург, говорить не стоит.* (Комс. правда 2000/82); *Как в психиатрии есть отдельные отрасли – шизофренология, эпилептология и другие, так и в политологии, по-видимому, скоро появится особый раздел – бушефрения* (Арг. и факты 2003/52).

Одна из важнейших черт ОС – их творимость, что позволяет считать их одной из форм языковой игры. В отличие от новых слов, создаваемых как средство номинации, ОС, в том числе производные от КИ, – прежде всего средство экспрессивности, они характеризуют явление, выражают отношение, оценку, чаще всего – негативную. Негативный или иронический оттенок во многих ОС обычно связан с экстралингвистическими фоновыми знаниями о субъекте, имя которого является основой. Ср., например, в тексте о министре здравоохранения М. Зурабове, с которым связывают многочисленные проблемы в обеспечении населения России лекарствами: *То есть предлагается гуманный вариант: разделить большое зурабовладение на два маленьких полузурабства, но самого Михаила Юрьевича пополам пока не резать* (Арг. и факты 15/2007); *Депутаты зурабят министра* (Моск. комсомолец 2006/310).

Основой окказиональных дериватов могут быть и КИ лиц, не связанных с политикой, актуальных в определенное время: *Но ведь “акунизация” всей страны, которую Б.А. с самого начала обещал, случилась-таки: всякий порядочный человек теперь должен написать легкий романчик, который и он сам, и его соседи прочтут с удовольствием.* (Арг. и факты 2001/37); *Киркоровомании вокруг нас, к счастью, нет.* (Моск. комсомолец 2002/104). Отметим, что такие ОС обычно остаются в пределах окказионального, в то время как ОС, производные от имен политиков, нередко становятся общепотребительными, пополняя словарный состав языка.

III Особой экспрессивностью отличаются ОС, содержащие и элементы графической игры, о которой говорится далее в работе. В данном ниже примере ОС от фамилии *Мавроди* осложняется выделением в нем аббревиатуры *МММ* – названия финансовой пирамиды, созданной С. Мавроди: *Четыре серии МММавродизации* (Арг. и факты 1996/50).

Исключительный интерес для исследования КС и в частности КИ, как показывает анализируемый материал, представляет их участие в языковой игре. Включение слов в языковую игру, как подчеркивает Т.В. Шмелева, является доказательством их принадлежности к КС. Сказанное о КС вообще естественно относится и к КИ: “Выдвигаясь в центр общественного сознания, слово “попадает на язык” острякам и юмористам, оказывается в таких текстах, как карикатуры и подписи к ним, юмористическая афористика и юмористический рассказ, иронические фрагменты публицистических текстов” (Шмелева 1992: 38).

Языковая игра (ЯИ) – важная составляющая новой коммуникативной стратегии современной публицистики. ЯИ рассматривается как любое проявление нестандартного, творческого использования языковых средств, которое охватывает все уровни языка – к ней относятся окказиональные слова и словосочетания, метафора как семантическая игра, фонетические игры, трансформированные фразеологизмы, разные нестандартные средства синтаксиса и т.д. (см. Санников 1999; Цонева 2000, 2002 и др.)

Активность СИ вообще в ЯИ обусловлена в первую очередь их богатым ассоциативным потенциалом. Ассоциативный (лингвистический и экстралингвистический) потенциал СИ – это все элементы смысла, которые актуализируются в сознании носителей языка при их употреблении (Гридина 1996: 51).

Говоря об этом, следует подчеркнуть важную особенность ПС: в нем активно эксплуатируется как лингвистический, так и экстралингвистический потенциал СИ, причем по-разному в разных формах ЯИ; этим, как уже было отмечено, ПС отличается от художественного, а в немалой степени – и от разговорного стиля.

IV Хотя и в известной степени условно, но можно обозначить формы ЯИ (или их конкретные проявления), в которых нет зависимости от чисто лингвистических особенностей СИ. Одна из них – игровая трансформация цитат; в ней включение СИ в отрывок из другого, хорошо знакомого текста (чаще художественного) обусловлено содержанием текста – новый компонент цитаты направляет внимание на элементы содержания (см. Цонева 2000,

2002). Например: *Саддам в Ираке больше чем поэт* (Моск. комсомолец 2007/6) – заглавие текста о популярности поэтического творчества С. Хусейна в Ираке; *Ширак большой, ему видней* (Итоги 2007/12) – заглавие текста об успешной политической карьере французского президента Ж. Ширака.

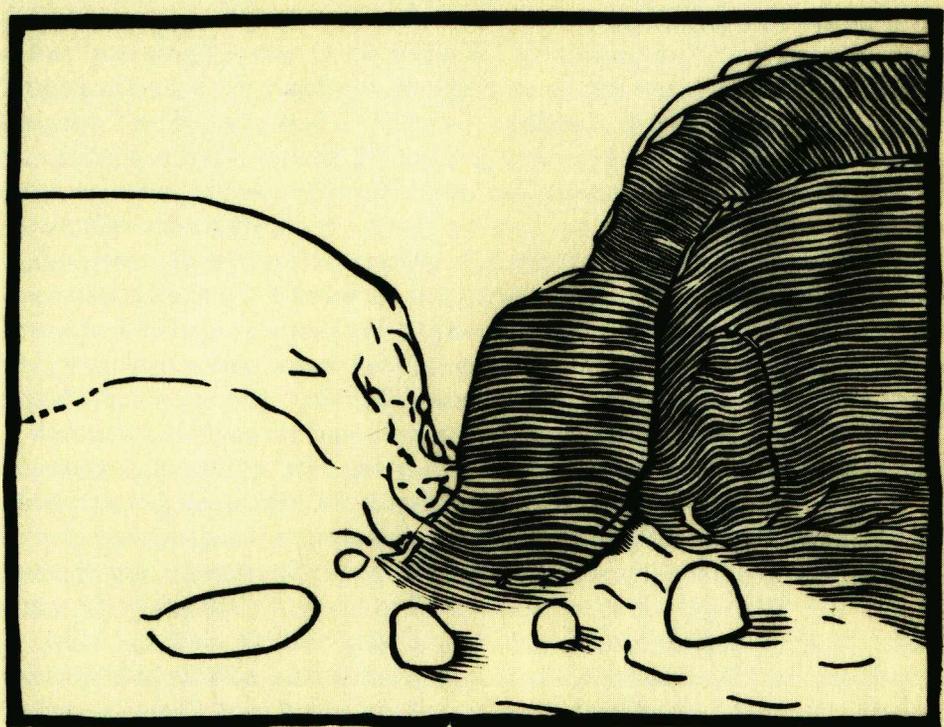
Часто нет связи с лингвистическим обликом СИ и в игре с фразеологией, например, в самой частотной ее разновидности – игровой замене компонента стандартного состава фразеологизма (см. Цонева 2000, 2002). Например: *Шкура неубитого Саддама* (Власть 2003/8) – заглавие текста о спорах по поводу послевоенного восстановления Ирака в самом начале войны там.

Фразеологические игры могут рассчитывать и на звуковое сходство СИ с компонентом, который они заменяют: *Однако в кооператоры пошли крепкие молодые люди, обогатившие себя первыми в стране почти легальными долларами, а фольклор – афоризмом: “Куй железо, пока Горбачев!”* (Арг. и факты 2006/46).

При включении СИ в ЯИ в ПТ обычно приходится говорить о сложном переплетении экстралингвистических и лингвистических элементов их смысла. Говоря о КИ, нужно подчеркнуть, что в них экстралингвистическое актуально всегда – именно от него зависит включение имени в ЯИ. Даже в тех случаях, когда определенная форма ЯИ безусловно “эксплуатирует” лингвистический потенциал самого имени, всегда можно найти связь, иногда довольно отдаленную или сложную, с экстралингвистическими знаниями о субъекте, о действиях и ситуациях, связанных с ним. “Игра ради самой игры”, характерная для художественного и разговорного стилей, может быть и в ПС (прежде всего в юмористических жанрах) в тех случаях, когда референт СИ, включаемого в ЯИ, неизвестен в рамках всего языкового коллектива, поэтому экстралингвистический потенциал его имени слабее.

Частотность “попадания” КИ в ЯИ естественно связана с их частотностью вообще, т.е. со степенью популярности, известности самого референта в обществе. Однако КИ и здесь имеют некоторые отличия от КС-апеллятивов. Так, многие СИ становятся объектом обыгрывания в ПТ разных жанров в связи с политическими скандалами, экономическими махинациями и т. д. В этом можно видеть прямую зависимость между негативной популярностью референта и негативной или иронической оценкой его действий и качеств, содержащейся в различных формах игры с его именем.

Специфика ЯИ с СИ в том, что “мишенью” игры является референт, носитель имени. Через саму игру с именем опосредованно, но очень ярко

bez tytułu, drzeworyt 14,5 x 18,5 cm, *Zbigniew Bielawka*

выражается негативное отношение к субъекту – известно, что имя как важнейшая составляющая человеческого существа имеет особую ценность, и любое искажение, любая деформация имени выражает “неуважительное отношение” к его носителю.

Вовлечение в ЯИ определенных СИ зависит и от некоторых чисто человеческих характеристик референта – от его манеры говорить и вообще вести себя перед аудиторией, от некоторых особенностей его характера или внешности и т.д. С этой точки зрения просто “напрашиваются” на обыгрывание имена русских политиков Б. Ельцина, В. Черномырдина, В. Жириновского и др. Наоборот, некоторые высокочастотные СИ политиков вообще “не замечены” в ЯИ (по крайней мере, примеров такого употребления нет в нашей картотеке), несмотря на то, что, как известно, редкие политики воспринимаются как успешные и одобряются безоговорочно обществом.

В связи с этим можно упомянуть и разную степень активности определенных политиков в качестве героев анекдотов, которая тоже зависит от некоторых ярких особенностей их поведения, характера, манеры говорить и т. д.; вспомним многочисленные анекдоты о лидерах “тоталитарного времени” – Л. Брежнев в СССР и Т. Живкове в Болгарии (см. Цонева 2006: 394).

Важная особенность современной публицистики – возможность (при этом активно используемая) обыгрывания СИ важных официальных лиц (президентов, премьеров и т. д.). Иначе говоря, сегодня почти нет обязательно восхваляемых или недосягаемых лиц, каких в публицистике прежних лет было много. Доказательством тому могут служить многочисленные примеры обыгрывания в русской публицистике фамилии *Путин*.

Очень активно, причем чаще с негативным оттенком, в русской публицистике обыгрывается и фамилия *Буш*. Приведем в связи с этим отрывок из текста, посвященного фан-клубам известных людей в России: *Еще у одного иностранного лидера имеется свой клуб почитателей – “Фан-клуб его всемогущества, президента США Джорджа Буша, великого ума Америки”. Но, скорее, это анти-клуб, и его деятельность ограничивается лишь издательским сайтом в интернете. Здесь много пародийных картинок и анекдотов, имеется раздел “Избранные бушизмы” и настольная книга террориста* (Труд 2007/88).

Фамилия *Буш* обыгрывается довольно активно, обычно с ярким негативным или ироническим оттенком, и в болгарской публицистике, а также, как известно, и в СМИ других стран, что отражает негативное отношение к

личности Д. Буша. Вспомним в связи с этим, например, широко обсуждаемый случай в Вашингтоне, когда актер в маске, изображая Д. Буша, ходил на четвереньках с надписью сзади, призывающей прохожих пинать его, что они и делали с большим удовольствием, выражая таким образом свои чувства к президенту. По этому поводу болгарская газета “Сега” отмечает, что нет в мире персонажа, который так часто подвергался бы публичному поруганию, нет в мире чучела, которое сжигали бы чаще, нет в мире человека, который так часто становился бы мишенью для издевательств разного рода (Сега 2007/46).

Обозначение первых лиц государства, по мнению Е. В. Какориной, одно из принципиальных различий состояния газетной публицистики разных эпох: именно эти номинации в максимальной степени социально регламентированы. Поэтому ранее в них не допускались проявления индивидуально-авторского характера, а тем более сниженные варианты; наоборот – в структуру таких номинаций обязательно выражалась превосходная степень признака (Какорина 1996: 176).

Интересные рассуждения об этом есть у И.Э. Ратниковой, которая пишет о десакрализации антропонимических и поэтонимических знаков, о разрушении социальных мифов и формировании других мифов (см. Ратникова 2003: 38).

Важное значение для включения СИ в ЯИ, естественно, имеют и его лингвистические особенности – фонетический облик СИ, его структура, его лексическая мотивированность, а также сложный комплекс вербальных ассоциаций, или “ореол воспоминаний слов” (А. Франс), нередко разный для разных людей.

Исключительный интерес в связи с этим представляют рассуждения русского философа С.Н. Булгакова об именах и их внутренней форме: “Значение имени, как некоторого корня для определенного вида, всегда шире и глубже того содержания, которое имеет его внутренняя форма [...] Здесь есть большая, качественная разница между одним и тем же словом, употребленным как слово или как имя: лев и Лев – совершенно разные вещи, хотя лев входит в состав Льва как характер имени, переходящий так или иначе на его носителей. При измышлении совсем новых кличек и названий, из которых некоторые так и умирают не родившись, оказываются шелухой или пустоцветом, происходит своеобразное лукавство разума, пользующегося человеческими силами для своих целей: имя рождается чрез именователя в именуемом, но, родившись, живет уже своей жизнью” (Булгаков 1988: 244).

Лингвистический облик СИ – это содержащаяся в самом слове возможность для его игрового, творческого использования, определяющая в немалой степени “направление” этого использования. Но даже в тех случаях, когда лингвистические особенности выходят в ЯИ на передний план из-за потенциально заложенных в имени условий для игры, в КИ, при известности референта, можно заметить хотя бы “отголоски” их экстралингвистического потенциала.

Так, фонетическим обликом самого СИ можно объяснить включение некоторых коротких звучных имен в так наз. рифмовки-созвучия, обычно используемые в газетном заглавии. Например: *Буш уже не дюж?* (Арг. и факты 2006/27) – заглавие текста о 60-летию Д. Буша; *Блэр – не пэр* (Итоги 2007/11) – заглавие текста о решении сократить число пэров в Англии. Подобные “непритязательные шутки”, напоминающие детские “дразнилки”, сближают ПС с разговорным стилем – они относятся к балагурству как характерной особенности непринужденной устной речи.

Довольно часто обыгрывается и “нерусский” фонетический облик СИ. Один из ярких примеров здесь – СИ *Чубайс*, активно обыгрываемое в русской публицистике последних лет.

От лингвистических особенностей СИ зависит возможность их включения в *каламбур* – самую яркую форму ЯИ, основанную на использовании омонимов, паронимов или многозначных слов. Важная особенность ономастического каламбура в том, что он не может строиться на объединении разных значений многозначного слова, как каламбур с апеллятивами. Редко, по крайней мере по данным нашей картотеки, ономастический каламбур строится на паронимии.

Часто основой ономастических каламбуров является *омонимия*. В рамках имен русского (или вообще славянского) происхождения это чаще всего омонимия личного имени и нарицательного, на базе которого оно возникло. Отметим, что таких “уникальных имен”, которые могут быть одновременно и собственными, и нарицательными, в русском языке, в отличие, например, от болгарского, немного – это имена *Вера*, *Надежда*, *Любовь*, *Лев*, некоторые новые имена – *Идея*, *Правда*, некоторые “цветные” имена – *Роза*, *Лилия*; на эту особенность болгарского и русского языков часто обращает внимание известный культуролог, болгарин по происхождению, Г. Гачев (см. Ратникова 2003: 25). Важно отметить также, что каламбуры с такими именами характерны прежде всего для разговорного и художественного стилей, в то

время как в ПС, особенно в кругу КИ, обыгрываются, как уже было отмечено, в первую очередь фамилии.

На омонимии русских фамилий и нарицательных слов основаны каламбуры в следующих примерах – в них рассчитывается на совпадение фамилии политика (А. Лебедь) и нынешнего генерального прокурора (Ю. Чайка) с нарицательными – названиями птиц. На возможность понимания СИ как нарицательных направляет контекст, благодаря включению в него слова *орел* в метафорическом значении: *Лебедя пытаются убедить, что он не орел*. (Общая газета 1999/4) – в тексте анализируются шансы ген. Лебедя одержать победу на президентских выборах; *Теперь Ю. Чайка – орел*. (Арг. и факты 2006/25) – в тексте содержится анализ назначения Ю. Чайки на пост генерального прокурора.

Именно в контексте реализуется актуализация утраченной внутренней формы СИ и в следующем примере, благодаря включению в него слов, ассоциативно связанных с СИ. Как и в данных выше примерах, здесь рассчитывается на “птичьи” ассоциации: *А Лебедь рвется в облака* (Арг. и факты 1996/10) – заглавие текста об успешной карьере ген. А. Лебедя.

В связи с этим и многими другими примерами следует отметить, что целью каламбура не всегда является создание комического эффекта, как нередко считается; часто каламбур способствует содержательной глубине высказывания – он заостряет внимание, направляет его на определенное осмысление или оценку содержания.

Омонимия может быть и межъязыковой – чаще всего при случайном совпадении иноязычного СИ с русским словом. Приведем здесь примеры обыгрывания имени голландского тренера сборной России по футболу Гуса Хиддинка, в которых переплетаются экстралингвистические и лингвистические параметры игрового использования КИ. Так, экстралингвистическими причинами обусловлена частотность использования имени, а также частотность его использования в ЯИ – это популярность футбольной игры, в том числе и в русском обществе (отметим, что СИ спортсменов и тренеров нередко находятся в центре внимания всего общества, а не только спортивных кругов, особенно в связи с важными спортивными событиями), успехи сборной России под руководством этого тренера, а также конкретный повод – обвинения Г. Хиддинка в неуплате налогов и последовавший легкий приговор суда в Голландии. Однако выбор самих форм ЯИ, в которые включается имя *Гус*, бесспорно обусловлен лингвистическим обликом имени – его близостью с русским словом *гусь*, ассоциации с которым есть во

многих случаях: *Как с Гуса вода* (Моск. комсомолец 2007/56); *Каков Гус!* (Итоги 2006/48); *Под крылом у Гуса* (Итоги 2007/12).

Т. е. в самом имени *Гус* можно найти потенциально заложенные условия именно для такого обыгрывания, которые активно используются в ПТ (естественно, и в разговорном стиле). Ср.: *Мы, например, обращаемся к тренеру запросто: либо по имени – Гус, или – босс. А вот за глаза, откровенно говоря, Хиддинка мы уже давно зовем Гусь!* (Итоги 2007/12).

Благодатная почва для создания каламбуров, основанных на раскрытии внутренней формы слова или так наз. этимологизации – СИ с ясной внутренней формой, сохранившие семантическую связь с производящей основой, словом или словосочетанием. Их нередко определяют как “говорящие имена” – внутренняя форма является своеобразным “сигналом” о действиях, а также о внешних или внутренних качествах референта. Этимологическая “регенерация” в таких случаях осуществляется указанием на этимологическое родство слов, чаще всего путем объединения в контексте СИ и словообразовательно связанного с ним апеллятива. Например: *Путин откроет новый путь* (Моск. комсомолец 2002/231); *Строев – в строю!* (Моск. комсомолец 2006/52).

В СИ, как известно, семантическая мотивированность ощущается в разной степени. Как правило, связь с производящей основой, производящим словом или словосочетанием ясно ощущается в СИ русского или вообще славянского происхождения (ср., например, *Светлана, Владимир, Святослав; Пастухов, Добронравов* и т.д.).

В многочисленных христианских именах еврейского, латинского или греческого происхождения внутренняя форма чаще всего утрачена, поэтому они сравнительно редко используются в каламбурах. Интерес представляет следующий пример раскрытия семантики СИ, в котором есть и омонимическое столкновение со словом *виктория* (синонимом слова *победа*): *Виктории Викторов мешает Юлия* (Моск. комсомолец 2007/95) – заглавие текста о сложных отношениях между основными политическими фигурами в правительстве Украины (Виктором Ющенко, Виктором Януковичем и Юлией Тимошенко).

Очень интересны каламбуры, в которых этимологизация или оживление внутренней формы происходит благодаря включению в контекст слов, ассоциативно связанных с СИ. Например: *Громов грянул в конце года* (Моск. комсомолец 2006/305) Подобные примеры И.Э. Ратникова вполне основательно определяет как скрытую аттракцию (Ратникова 2003: 33). Ср.

также: ... и в Горьком Сахаров грустил, а Солженицын жил в Вермонте (Огонек 2006/52).

Иноязычные СИ тоже могут подвергаться этимологизации. Обратим внимание на обыгрывание в русской публицистике имени немецкого канцлера А. Меркель, особенности которого заметнее при сопоставлении с его употреблением в болгарском языке. Во-первых, оно вообще более частотно в русских СМИ, чем в болгарских, что обусловлено тесными политическими и экономическими отношениями между Россией и Германией, а также некоторыми особенностями политики президента В. Путина. Включение именно в каламбур имени *Анхела* обусловлено его формой – ощущением в нем апеллятива *ангел*. Связь с этим апеллятивом специально актуализируется в следующем заглавии текста о радости Ангелы Меркель в день победы сборной Германии по футболу, которое легко связать с фразеологизмом *день ангела*: *День Ангелы* (Моск. комсомолец 2006/144).

Отметим, что довольно частотные болгарские имена *Ангел*, *Ангелина* редко вызывают у болгар ассоциации с апеллятивом *ангел*. Ср. также в других языках: исп. *Анхел*, франц. *Анжел*, итал. *Анджелло*.

В связи с этим уместно привести мысль М. В. Горбаневского: “Чем менее в имени ощущается понятие апеллятива, тем больше оно воспринимается как ортодоксальное собственное имя” (Горбаневский 1983: 69).

Иноязычные СИ часто бывают немотивированы для русского адресата (конечно, кроме тех случаев, когда адресат владеет данным иностранным языком), поэтому средством оживления внутренней формы (в данном случае – незнакомой) является их перевод. Так, включение фамилии французского политика Сеголен Руаяль (Ségolène Royal) в каламбурную этимологизацию обусловлено значением самого слова (фр. *royal* – королевский), и именно на это значение направляется внимание. Однако, при отсутствии у носителей русского языка “сигналов” об этом значении используется перевод для раскрытия внутренней формы имени. Ср.: *Но кто знает – может, к выборам картина поменяется? И президентом республики станет женщина с королевской фамилией (именно так переводится “руаяль”)?* (Моск. комсомолец 2007/35).

Данный пример – еще один повод обратить внимание на сложное сочетание в КИ лингвистического и экстралингвистического (к последнему относится, разумеется, и сама частотность данного СИ в ПС, обусловленная участием С. Руаяль в предстоящих президентских выборах во Франции). Наряду с вербальными ассоциациями здесь налицо еще более сложные

внетекстовые ассоциации – значение слова *королевский* противопоставляется значению слова *республиканский*. Ср. пример из текста под заглавием оксюморонного характера *Принцесса Республики: Ей вменяют в вину отсутствие четкой предвыборной программы...* и, конечно, не обходя стороной ее фамилию. *Не к лицу представителю партии трудового народа республиканской Франции быть “руаяль”* (Итоги 2006/27). Это пример использования СИ в политической борьбе – можно предположить, что подобная фамилия в монархической стране была бы своему носителю только на пользу, но в данном случае внимание направляется на несоответствие фамилии республиканским традициям французского общества, отвергающего монархические идеи.

Любопытно отметить и случаи, когда СИ специально искажаются для того, чтобы включить их в определенную форму ЯИ. В такой игре достигается чаще всего комический эффект, как, например, в заглавии текста о встрече В. Путина с генеральным секретарем ЦК КПК Ху Цзиньтяо, благодаря “переделыванию” фамилии *Путин* “на китайский лад” и возникающим при этом ассоциациям с близким по форме нецензурным русским словом: *Пу и Ху снова вместе* (Спутник-Новости 2002/50) Еще ярче следующий пример: *Ху знает, чего ждать от России* (Моск. комсомолец 2007/60) – заглавие текста о предстоящем визите в Россию председателя КНР Ху Цзиньтяо.

Подобные случаи дают основание подчеркнуть, что в ЯИ эксплуатируются не только имеющиеся в СИ особенности, но и потенциально заложенные в них возможности для творческого, нестандартного использования. Приведем в подтверждение мысль И.Э. Ратниковой: “Широко представленные в языке СМИ многообразные реализации рефлексии на звуковой облик имен, их фоносимволические ассоциации или внутреннюю форму отражают подсознательное стремление если не обнаружить реально существующее, то хотя бы додумать соответствие между звуками именования и характером, поведением, социальной ролью именуемого” (Ратникова 2003: 30-31).

Обратим внимание и на *графическую игру* – одно из проявлений ЯИ, характерных для публицистики последних лет. Это выделение шрифтом или цветом тех элементов, которые создают новое, окказиональное образование. “Суть графической игры – в выделении той части слова, которая должна быть воспринята как активный элемент, формирующий оригинальный смысл” (Сметанина 2002: 204).

СИ, в том числе КИ, часто включаются в графические игры. Например, в заглавии текста о начале издевательского (по мнению автора) процесса над Саддамом Хусейном можно найти паронимическое сближение слова *садомазохизм* и окказионального образования из слов *Саддам* и *мазохизм*, в котором выделенная шрифтом часть направляет внимание на содержание текста: **САДДА**мазохизм (Моск. комсомолец 2005/238).

Сочетанием из двух слов является ОС и в следующем примере обыгрывания фамилии президента Грузии М. Саакашвили; выделенное шрифтом слово направляет внимание на зависимость политики президента от США: *Отчего **США**акашвили впадает в истерику?* (Арг. и факты 2006/40).

В заключение отметим, что дальнейший анализ “поведения” ключевых имен в публицистическом тексте, в том числе и на материале разных языков, позволит лучше понять не только сущность ключевых слов вообще, но и сущность собственных имен как особой категории слов.

Литература

- Булгаков С.Н., 1988, *Философия имени*, СПб, 1988.
- Валгина Н.С., 2001, *Активные процессы в современном русском языке*, М., 2001.
- Горбаневский М.В., 1983, *К проблеме семантики имени собственного*. – Лингвистическая семантика и логика, Москва, с. 68-81.
- Гридина Т.А., 1996, *Имена собственные как база языковой игры (на материале отфамильных прозвищ в речи школьников)*, „Русский язык в школе”, №3, с. 51-55.
- Земская Е.А., 1996, *Активные процессы современного словопроизводства*. – „Русский язык конца XX столетия (1985-1995)”, Москва, с. 90-141.
- Какорина Е.В., 1996, *Новизна и стандарт в языке современной газеты*. – Поэтика. Стилистика. Язык и культура, Москва, с. 169-181.
- Костомаров В. Г., 1994, *Языковой вкус эпохи*, Москва, 1994.
- Клушина Н. И., 2002, *Имя собственное на газетной полосе*, “Русская речь” 2002, № 1, с. 53-55.
- Крысин Л. П., 1996, *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни*. – *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва, с. 142-161.
- Ратникова И.Э., 2003, *Имя собственное: от культурной семантики к языковой*, Минск.
- Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю., 2000, *Имя собственное в политике: язык власти и власть языка*, Москва.
- Саников В.З., 1999, *Русский язык в зеркале языковой игры*, Москва.

- Сметанина С. И., 2002, *Медиа-текст в системе культуры*, СПб.
- Стоянов К., 1999, *Обществените промени (1989-1996) и вестникарският език*, София.
- Тошович Б., 2002, *Доминанты русского языка XX столетия*. – МАПРЯЛ 2002, *Восьмой международный симпозиум. Доклады и сообщения*, Велико Тырново, с. 23-32.
- Цонева Л., 2000, 2002, *Езиковата игра в съвременната публицистика*, Велико Тырново.
- Цонева Л., 2006, *Языковая игра и анекдот*. – МАПРЯЛ 2006. *Девятый международный симпозиум. Доклады и сообщения*, Велико-Тырново, с. 392-399.
- Шмелева Т.В., 1992, *Ключевые слова текущего момента*. – Collegium, Киев, 1992, с. 33-38.

Key Proper Names of the Times in Journalistic Discourse

The paper discusses key proper names in modern Russian – names of personalities that are at the focus of public attention. They, like key words in general, have their own specific features, e. g. high frequency and use in titles of journalistic discourse. Special attention is paid on the use of key proper names in different language games conditioned by their linguistic and extralinguistic associative potential.

Keywords: *key names, proper names, paraphrase, occasional words, pun.*

Za nejstarší psaný reklamní projev je považován 3 000 let starý papyrus z Théb, uložený v Britském muzeu: jeho texti oznamoval útěk otrocka Shemo a nabízel za jeho nálezy zlatou minci. Vývěsní štíty specifikovaly produkt v domě nabízený (např. v Pompejích učitel oznamoval svou profesi získáním chlapce, který dostával výprask). K témuž účelu sloužily i nápisy na zdech: ohlašovaly divadelní představení, sportovní události, ale také kvalitu prostitutek a prostitutek či různých podniků, jako byly např. hospody.

Za jednu z forem reklamy jsou také považována dávná příjmení, přízviska Pompejanců – dnes příjmení (např. v angličtině Smith, Miller, Taylor, v češtině Kovář, Mlýnář, Krejčí, v polštině Kowal, Młynarz, Krawiec apod.).

Naši předkové si dobře uvědomovali, že reklama či jiné formy marketingové komunikace mohou klamat, že nejsou pouhým sdělením informačního charakteru, ale zároveň i manipulací. Neptímým svědectvím pro působení reklamy v našich zemích je *Hrabecký rukopis*, satirická skladba ze 14. století, která vypráví, že různými jazyky obchodníků klamání jsou „hlup“ sdělení.